

ГЛАВА 1

В ваш дом когда-нибудь врываются незнакомые люди в масках и с обрезамми? На пол вниз лицом лечь не приказывали? Не угрожали убить вас и вашу семью? Нет? Что ж, тогда все отлично, тогда вы — счастливый человек. Потому что после такого ваше счастье и все с ним связанное — а связано все самое дорогое — испугаются и забьются в самый маленький уголок вашей души, а освободившееся место займет буро-желтый слизкий страх. Он вцепится в вас как пиявка. Эту пиявку вы не сбросите, даже не попытаетесь, вы и глазом не моргнете, а она уже внутри вас, в мозгах, в мышцах, в печени. И в глазах. А у страха глаза сами знаете какие... Прежним вы уже не станете, не надейтесь, и на мир отныне будете смотреть по-другому. Потому что даже когда страх уйдет, те глаза, охваченные им, останутся...

Почему страх буро-желтый? А черт его знает! Таким он показался Зойке между ударом в ухо увесистым кулаком размером с кувалду и диким ревом мужа, из которого она поняла, что если они еще раз хоть пальцем ее тронут, то Саша достанет их даже с того света. Один из нападавших с силой пнул Сашу под ребра носком ботинка на толстой подошве — с гортанным «гых!» муж извернулся и подтянул колени к животу как можно плотнее — насколько был в состоянии, лежа на полу вниз лицом со связанными за спиной руками.

Зойка не успела собрать разлетевшиеся от удара мысли, как ее схватили за волосы, стянутые на затылке резинкой, и снова поставили.

— Где деньги?! — злобное рычание оглушило пульсирующее от боли ухо.

Резкий мускусный запах окончательно вернул ее в реальность — эта скотина вылила на себя Сашкины духи, но на нем они не пахли, на нем они воняли. Впрочем, сейчас он — хозяин. Он — властитель их жизни. Козел! Вонючка!

Вместе с реальностью вернулась трезвость мысли, и сердце утешительно екнуло — Таня у бабушки! Но успокоилась она ненадолго, все снова поглотил страх, и Зойку накрыло ощущение,

что в желудке образовалась глыба колючего льда. Глыба эта медленно тает, и капли ледяной воды так же медленно попадают в кровь. Зойку начинает тряссти от холода. Она хочет крикнуть: «Я все отдам, только не трогайте мужа!» — но не может: голосовые связки парализовало. И всю ее парализовало. И нет в ней ни костей, ни мышц, ни суставов, ни крови, а только страх. Уже не буро-желтый, а бело-голубой, и в ушах звенит так, что и думать больно, и языком больно шевелить, но отвечать надо. Она открывает рот, но вместо слов из горла выскакивают одни хрипы.

— Эй ты, глаза не закатывай! — Вонючка больно дергает за волосы и тянет вверх и назад. Зойка вскрикивает и, мелко перебирая ногами, становится на цыпочки.

— Отпустите ее! — Саша бьется на полу, как рыба, выброшенная на берег. — Оставьте мою жену в покое!

И снова получает удар по ребрам.

Он скрипит зубами, дергает головой:

— Деньги в сейфе... Зоя, отдай все...

Хвост отпускают, и долю секунды Зойке кажется, что голова не станет на место, а упадет на пол и, подпрыгивая, с глухим стуком покатится к Саше. Она обхватывает голову руками, и звон в ушах спускается с высокой ноты на среднюю. Она боязливо косится на рот-щель уродливой силиконовой морды, которую позже майор УБОП Денис Ильич назовет «маской убийцы», а потом на мужа, лежащего возле столика с хрустальными флаконами, наполненными коньяками, виски и вином.

— Где деньги, сука?! Говори! — снова хватают ее за волосы.

— В сейфе! — вылетает из Зойкиного горла. — В спальне... прошу вас... — Извиваясь, она перетаптывается на носочках и старается не шевелить головой. — Сашу не трогайте... Мы все отдадим... Пожалуйста...

Острая, внезапная боль простреливает правый висок, и Зою трясет еще сильнее.

— Конечно отдашь! — снова гаркают в ухо и хвост отпускают. — Давай вперед! Где спальня?

— Там... — Зойка протягивает дрожащую руку, — в конце коридора...

— Пошла!

Толчок в спину — и она летит в дверной проем, больно ударяясь плечом о косяк.

— Пошевеливайся! — Снова толчок.

Изо всех сил пытаюсь сохранить равновесие, Зойка пролетает мимо кабинета мужа, гостевого туалета, двери в сауну, и ее полет заканчивается возле кладовки. Там ее хватают за плечо и тащат в конец коридора.

Грабители в ярости: они не ожидали найти в доме неслабо зарабатывающего менеджера айтишной компании какие-то хреновы, как они выразились, тридцать две тысячи гривен и золотые швейцарские часы. Эти часы Павел Павлович, Сашкин дед по материнской линии, когда-то выиграл в покер и подарил внуку в знак своей поддержки — вопреки желанию родителей, Саша поступил в институт радиоэлектроники, а не в медицинский, как они хотели. Вопреки, потому что его родители, оба едва сводящие концы с концами преподаватели ветеринарного института (мама — кафедры философии, папа — паразитологии), видели сына только врачом-урологом — таким, как их сосед, который после пол-литра водки рассказывал, что на удалении аденомы простаты он имеет штуку баксов, а аденом этих не счесть.

Сашка вздыбился, считая себя человеком технического склада ума, и в разгоревшемся крупном семейном скандале его поддержал только Павел Павлович, инженер-проектировщик жилых и промышленных зданий. К тому же более успешный, чем его дочь и зять — Сашины родители, — повернутые на антиквариате (боже упаси продать самую маленькую серебряную ложечку, это ж кощунство, ведь из нее кормили еще Сашкиного прадеда!) и всегда охочие до ленивого потягивания двойного кофе, обсуждения последних политических и литературных новостей, пренебрегая при этом зарабатыванием денег и практичным подходом к жизни.

В то время как они с восьми тридцати до четырех двенадцати чинно ходили на государственную службу, оплачиваемую по ничтожному государственному тарифу, рано овдовевший дед покинул разваливающийся институт и основал частную проектную фирму, дал коллегам работу, а заработанное тратил

на отдых и путешествия по миру с дамочками, которых Сашины родители, ясное дело, люто ненавидели.

— Успокойтесь, — сказал Павел Павлович в ответ на аргумент, что Саша с дипломом программиста будет просить милостыню в переходе метро, — вот увидите, очень скоро толковые программисты не только составят конкуренцию урологам по востребованности, а и значительно их обгонят.

Предвидение деда подтвердилось — Саша, высокооплачиваемый менеджер компании по разработке компьютерных игр, зарабатывал намного больше хирурга-взяточника. Зарабатывал официально. Жаль только, Павел Павлович этого не увидел — он умер накануне своего шестьдесят шестого дня рождения.

Пригтащив Зойку обратно, Вонючка бросил ее на диван и присел на корточки возле Саши:

— Давай колись, где остальное прячешь? И быстренько.

— Больше у нас ничего нет.

— Что, золотишка нет? — хихикнул один из грабителей.

— Нет, — простонал Саша, отрывая щеку от пола, — мы равнодушны к золоту.

— Равнодушны? — переспросил главарь. — Слышь, пацаны, они равнодушны к золоту. Ну мы попали! — И они заржали как кони. — А часики? Милое исключение?

— Это подарок деда.

— Это правда, у нас нет золота, — заняла Зойка.

Саша не лгал — он ценил не золото, но хорошую одежду, комфортабельные курорты и автомобили. Насчет Зои он тоже не лгал — ее родители не привили ей любви к золоту, ради которого люди и деньги большие тратят, и голову иногда теряют. Временами какие-то эксклюзивные вещи ей нравились, но были не по карману, однако то, что было по карману, она бы и даром не взяла.

И еще золото у нее ассоциировалось с Ирккой, с детства обвешанной побрякушками, как новогодняя елка. И с ее мамашей, Галиной Ивановной, надевающей на себя все сразу: кольца, браслеты, цепочки, серьги — разве что в носу кольца не было. По ее родному поселку до сих пор ходили сплетни, сколько всяких украшений Галина Ивановна оставила на пляжах советских

курортов: серьгу с внушительным бриллиантом, два кольца, цепочку с кулоном, потому как без золота считала себя практически голой. Правда, на отдыхе за границей с нынешним, третьим мужем, Андреем Михайловичем, она почему-то золото на себя не цепляет — поначалу было нацепила, а потом как отрезало. И нарядов стала брать меньше, а если и брала, то попроще — джинсы, майки, шорты. Секрет раскрыла ее родная сестра, Катерина Ивановна, мол, Галка хочет, чтоб ее принимали за европейку. Желательно за итальянку.

С кем золото никогда не ассоциировалось, так это с Зойкиной мамой, Надеждой. Зойке было десять, когда мамы не стало, и бабушка спрятала ее тоненькую, в ниточку, золотую цепочку. Галина Ивановна и Катерина Ивановна еще при жизни Зоиной мамы потешались, мол, чем такое носить, так лучше вообще ничего. Еще бабушка спрятала два колечка, обручальное и с камешком, мамин потертый кошелек, губную помаду и ночную рубашку, ту, в которой Надя спала в свою последнюю ночь, — ее так и не постирали.

Все это, завернутое в марлю и пропахшее лавандой, бабушка Марта чуть ли не каждый день доставала из глубин платяного шкафа, садилась на край дивана и раскладывала на коленях, а Зойка сразу бежала подальше от дома, потому как не могла слышать ни ее причитания, ни рыдания. И не могла смотреть бабушке в глаза — было в них что-то такое, от чего девочке становилось страшно. И еще она удивлялась: раньше бабушка все время маму ругала, обзывала, даже била, а теперь плачет и чуть ли не каждый день на кладбище ходит. Там она молится и кричит «прости меня!», а дома другой темы, кроме как про памятник, не существует. Не успеет зять прийти с работы — он в школе историю преподает, — как бабушка вместо «сядь, Степушка, поешь», ни к кому не обращаясь, начинает голосить: «Не доживу я до памятника ... Ой, не доживу!» Скорбное лицо сделает и сидит, перед собой смотрит.

— Марта Юрьевна, ну что вы такое говорите? Вы еще сто лет жить будете, — говорил Степан и мысленно подсчитывал, сколько еще денег на памятник не хватает. Просто не было у Зойкиного отчима сил объяснять неугомонной теще, что земля еще не осела.

— Послал бы ты ее подальше, — советовала ему Наталья, соседка и бывшая Надина подружка, — она всю жизнь кровь Надькину пила, а теперь — памятник? Думает, Бог ей все простит? Смотри, Степа, не позволяй ей на шею садиться, она только и ждет этого.

Никто не знает, чего ждала от зятя Марта Юрьевна, но тот ее жалел — чувствовалось в ней нечто, что терзало душу: незаживающая, кровоточащая рана, обида, растерянность, обескураженность, ну и злость. Ее муж, которого она любила до беспамятства, бросил ее ради юной девчонки, поэтому она страдает и злится, а до его ухода была доброй. А на ком можно злость выместить? На своем ребенке: он не ответит, сдачи не даст. Не судья он Марте Юрьевне и вообще никому не судья, а сердце у Степана жалостливое, и в конце июня на Надеждиной могиле уже стоял памятник.

Марта Юрьевна в порыве благодарности отдала зятю дочкины украшения, мол, скоро все равно помирать, пусть у тебя будут, насадила цветов и воспряла духом — теперь у нее была забота, чтоб с апреля по октябрь не переводились на могиле цветы. Забота эта поглотила не все ее существо, часть себя Марта Юрьевна отдавала внучке — не девочка, а непонятно что: ни шить, ни вязать не умеет, а только мяч с мальчишками гоняет. И вся в падлючью породу своего родного отца, Виктора.

— Мама, ну зачем вы так? — защищал Степан падчерицу. — Она же Надина копия.

Но теща его не слушала, ей было больно, что все так в жизни сложилось: Надя влюбилась в Виктора, парня из семьи, о которой Марта всегда думала плохо. Чует ее сердце — приложили они руку к горю в ее семье, но к делу этого не подошьешь и никому об этом не скажешь.

А сколько слез Надя пролила! Она уже глубоко беременной была, уже надо было думать, как дальше жить, а он бросил ее и уехал. Надя — к его родителям, а они: знать не знаем, где он, и вообще, что тебе тут надо?

Вернулся Виктор, когда Зойке было восемь месяцев, к дочке не пришел, а когда Марта к нему с претензией явилась, то спрятался и вскоре снова исчез, люди сказали, что куда-то на север

завербовался. Так в доме у Марты одно предательство наложилось на другое. И в беспомощности своей, в невозможности исправить ни свою ошибку, ни дочкину, она обозлилась на весь свет и лютовала до своего последнего часа.

— А ты не обижайся на бабушку, ей тяжело, не дай бог хоронить своего ребенка, — уговаривал Степан Зойку, не позволяя Марте Юрьевне замахиваться на нее полотенцем или веником. Он — официальный опекун, и на нем ответственность за девочку, говорил он теще. И грозился, мол, если будете кровь ее пить, заберу и уеду. Куда? Найдет. Друзей у него много, пропасть не дадут. Теща губы пожует, глазами повращает, слезу пустит и отступит. И на какое-то время становится доброй и ласковой. Степа, конечно, никуда не уезжал — его дом здесь, и не только этот, а и дом его детства, в котором он рос и к которому прикипел всей душой.

Перед пятой годовщиной Надиной смерти баба Марта сильно сдала, похудела, стала кашлять, особенно по ночам, но к врачу идти отказывалась. И окончательно, вдрызг рассорилась с бабой Феней, матерью Катерины Ивановны и Галины Ивановны. Но то не было неожиданностью — дня не было, чтоб они не грызлись, а корни этой грызни уходили в их молодость, во времена, когда Феня и Марта не поделили мужика.

Мужик этот, будущий Надин отец, предпочел Марту, а еще более эта вражда усугубилась после того, как он ушел от Марты к молодой. О, тут Феня всю распоясалась и беспрестанно проезжалась по одиночеству соседки — сама тогда еще не овдовела. Бывало, стоят обе кверху задом, каждая на своем огороде, вид делают, что одна другую не замечает, а потом как сцепятся! Благо забор высокий — муж Марты поставил его вместо низенького плетня, после того как Феня перемахнула через него и женщины едва не поубивали друг друга в драке.

А в тот последний день баба Феня, к тому времени уже овдовевшая, в стотысячный раз выкрикнула: «Чтоб ты сдохла, сука старая!» А Марта в стотысячный раз ответила: «Чтоб тебя черви поели!» И на том рано состарившиеся женщины — а было им тогда чуть больше шестидесяти — разошлись навеки, потому что на следующий день Марта умерла. Собирала в огороде

опавшие листья, упала, и все. Как оно произошло в точности, никто не знает — Степа и Зоя были в школе, а от соседских глаз ее закрыла эта самая куча листьев, и она пролежала там до возвращения Зойки. На вскрытии обнаружили злокачественную опухоль в правом легком и тромб в легочной артерии. Зойка до сих пор не может забыть, как нашла бабушку и какое у той было лицо, — после этого девочка сразу заболела непонятно чем: ни кашля, ни насморка, а только температура высокая. С этой температурой она провалялась два дня, ничего не ела, не пила, а потом встала — и никаких следов.

Когда Зойке исполнилось шестнадцать, Степан Сергеевич протянул ей марлевый сверток и сказал, что отныне она может носить и цепочку, и колечко с камешком.

— Все это твое, — сказал он, добавив, что мама была бы рада, и надел колечко с маленьким сапфирчиком на Зойкин палец.

Зойка посмотрела на руку — подарок неожиданный, но не очень желанный, вот если бы новые кроссовки, а то в старых носки и подошвы стерлись, да и жмут сильно. Ну и кисточки новые нужны, а то уже рисовать нечем.

— Папа, я его потеряю и цепочку тоже могу потерять, — сказала она жалостливо, будто уже потеряла.

— Ты не обязана все это носить, просто пусть у тебя лежит, о маме напоминает. — Он шмыгнул носом и отвел глаза в сторону.

Зойка поняла — он уже выпил, значит, скоро добавит, а потом спать ляжет. Ей стало одиноко и обидно. Но не так обидно, как раньше. После того как она поняла причину его пьянства, она его жалела. Но как он сам не понимает — он же школьный учитель и должен всем пример подавать? А тут какой пример? Наверное, все это было написано на лице Зойки, потому что Степан Сергеевич бросил на нее виноватый взгляд и, покашливая в кулак, произнес:

— Я утречком к мамке твоей ходил, с твоим днем рождения поздравил.

— Спасибо...

— Ну, прячь свое наследство, будешь доставать и маму вспоминать.

— Я маму и так помню, — огрызнулась Зойка и завернула украшения в марлю — не любила она, когда отец даже чуть-чуть пил.

Зойка помнила и маму и бабушку, они просто жили в ее сердце, и память о них с каждым годом все более наполнялась жалостью и сожалением — отношения в семье были напряженными, и обе женщины ушли, оставив после себя привкус недосказанности и нелепости.

Мамины украшения жили в глубинах шкафа, они и сейчас были там — не могла Зоя ни цепочки надеть, ни кольца, а потом наступило время для первого обручального. Зойка недолго его носила — брак с Алексеем продержался год и месяц, а фактически и того меньше, а кольцо до развода не дожило: Алексей сдал его в ломбард, чтобы было на что пойти с подружками в кабак. Сдал хитрым образом — спрятал куда-то, и Зоя решила, что она его потеряла. Выходя замуж за Сашу, она остановила свой выбор на широком кольце из золота и эмали авторской работы, а Сашка — на тоненьком и без эмали. Кольца эти безмерно удивили Сашкиных родителей — по их мнению, кольца должны быть одинаковыми.

— Это плохая примета. — Анна Павловна вскинула тонко выщипанные брови и перевела взгляд на молодых.

— Мамочка, это все суеверия, ты же умница, философ. — Саша поцеловал Анну Павловну в пергаментный, с синими прожилками висок.

Но Анна Павловна занервничала не на шутку. Она в задумчивости опустилась на диван, на котором сиживал в подгузниках еще Сашкин дед по отцовской линии, и застыла в горемычной позе — видимо, гибель марксистско-ленинской философии, а с ней и Коммунистической партии кардинально повернула ее мировоззрение в сторону мистицизма. Надо же чем-то заполнить образовавшуюся пустоту.

— Аня, ну что ты в самом деле? — Муж погладил ее по плечу. — Времена меняются...

— Петенька, — она строго посмотрела на мужа, — времена, но не традиции. Традиции нарушать нельзя, не к добру это, — ее голос дрогнул, и она поджала тонкие, выцветшие губы, не знавшие другой помады, кроме гигиенической.

Но молодые не только эту традицию нарушили — они не пригласили гостей, а просто рванули на недельку в Грецию. Анна Павловна и тут расстроилась, но Саша снова поцеловал ее в висок и напомнил, что у них обоих это второй брак.

— Да, да... — И Анна Павловна снова застыла в той же горемычной позе — поводов посидеть за столом становилось все меньше.

* * *

— Говоришь, золота нет? — враждебным тоном произнес Вонючка. — А у нас другая информация.

— Вас обманули, — процедил Саша сквозь зубы.

— Меня никто не может обмануть, слышишь, ты? — Вонючка легонько шлепнул его по коротко стриженному затылку. — И учти, меня лучше не злить.

— Я не хочу вас злить, я говорю...

Саша не закончил фразы — Вонючка поднял кулак и с силой опустил его на Сашкин затылок. Сашка стукнулся носом о пол и вскрикнул, а по паркету потекла тоненькая струйка крови.

— Саша! — Зойка сорвалась с дивана.

— Сидеть!

Пылая негодованием, Зойка сцепила кулаки и села. Вонючка поднялся и пнул Сашу ботинком в бедро.

— Даже не думай обмануть меня, — он наклонился над ним. — Мы сейчас тут все перевернем. Храни вас бог, если что-то найдем. Ты понял?!

Снова удар ногой, снова «гых!». Саша дернулся, изогнулся и громко хлюпнул носом.

— Не бейте его! — Зойка вскочила, но ее тут же толкнули обратно.

Вонючка направил на нее указательный палец:

— Заткнись или...

— Что — или?! — завопила Зойка. — Вы ж видите, у него кровь хлещет!

— Ничего, в человеке девять литров крови. Эй, дайте тряпку! Из него течет, как из крана! — Вонючка нетерпеливо взмахнул рукой.

Один из бандитов, стоящий возле холодильника, бросился к рудону бумажных полотенец, прикрепленных к стене, оторвал кусок и сунул Саше под нос.

«Вонючка грязная», — вертелось в Зойкиной голове — надо же было о чем-то думать, чтоб, глядя на кровь, растекающуюся по полу и пятнами проступающую на полотенцах, не сойти с ума.

И тут перед Зойкиными глазами, будто из-под земли, выскочил другой Вонючка — педофил из детектива, который она иллюстрировала. Как-то само собой книжный Вонючка перетек в стоящего перед ней грабителя, и Зойка, прикусив губу, подняла глаза на маску.

— О чем думаешь? — враждебно спросил Вонючка, медленно приближаясь к Зое.

— Сказку вспомнила.

— Какую сказку?

— «Али-Баба и сорок разбойников», — соврала Зойка, отмечая, что к ней возвращается смелость.

— И что в ней интересного?

— А вы ее не читали? В ней про разбойников.

— Во-первых, мне мама сказки на ночь не читала. Ей некогда было, она всю жизнь работала как каторжная и маникюры не делала.

— Я тоже маникюр не делаю, — холодно сказала Зоя.

— Не смей перебивать, когда я говорю! — рявкнул Вонючка и после короткой паузы продолжил: — А во-вторых, мы не разбойники, мы воспитатели. Поняла?

— Да, — покорно ответила Зоя, чувствуя, как снова возвращается страх.

— Повтори: вы — воспитатели.

— Вы воспитатели, — тихо произнесла Зоя.

— Громче!

— Вы воспитатели! — заорала она.

— Молодец. А теперь скажи: «Спасибо за хорошее воспитание».

Зоя нахмурилась и тут же получила затрещину. И снова в левое ухо.

— А в правое нельзя? — вскрикнула она, стиснув зубы и наливаясь злостью.

И получила в правое. Слезы сами выкатились из глаз, и Зойка заплакала не столько от боли, сколько от ненависти, отчаяния и бессилия.

— Не трогайте мою жену! — закричал Саша.

— А мы не трогаем, мы только разминаемся. Ты даже не представляешь, как мы умеем трогать. Итак, я жду вежливое «спасибо».

— Спасибо, — выдавила Зоя.

— За что ты меня благодаришь?

— За хорошее воспитание.

— Молодец. И без моего разрешения на меня не смотри, я этого не люблю.

— Да, конечно...

— Что «да»?! Что «конечно»?! — Он наклонился и схватил Зойку за волосы. — За хорошее воспитание надо платить! Где бабло?! Где золото?!

— Ничего нет... — простонала Зойка, — мне... больно...

— Это еще не больно! — маска была совсем рядом с ее лицом.

— Послушайте, бога ради, в доме больше ничего нет! — закричал Саша.

— Не поминай Бога всуе, — назидательно произнес Вонючка, разжал пальцы, и Зойка плюхнулась на диван. — Значит, нету? Эй, берите его! — Вонючка махнул рукой, и двое подхватили Сашу под мышки.

— Куда вы? Оставьте его! — заорала Зойка.

— Заткни пасть, иначе мы его убьем!

И Сашу потащили в коридор. Зоя привстала, чтобы видеть, куда они его тащат, и получила довольно сильный удар кулаком в плечо.

— Сидеть! — рыкнул оставшийся в комнате грабитель, самый низкорослый. — Только рыпнись, и я тебя порву!

Господи, все это происходит не с ней, это какое-то безумное кино. Сейчас она закроет глаза — и все исчезнет. Она прижалась спиной к диванной подушке, закрыла глаза и тут же получила оплеуху.